109
801-13
138

В. А. Раковъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ЕВПАТОРІИ

въ эпоху Крымской войны

1853—1856 г.г.

Евпаторія.
Типографія М. Л. Муровановскаго.
1904.

801-13

В. С. Раковъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ЕВПАТОРІИ

въ эпоху Крымской войны

1853—1856 г.г.

Евпаторія.
Типографія М. Л. Муровановскаго.
1904.

В. С. РАКОВЪ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О ЕВПАТОРІИ

ВЪ ЭПОХУ Крымской войны

1853—1856 г.г.

Евпаторія.
Типографія М. Л. Мурованскаго.
1904.

Дозволено цензурою. Одесса 5 апрѣля 1904 года.

2011137035

Содержаніе:

Евпаторія передъ войной—ея жизнь и жители.

Глава I. Занятіе города. Бѣгство жителей.

Глава II. Городъ во власти союзниковъ. Жизнь въ уѣздѣ. Шайки татаръ. Исправникъ. Уральскіе казаки.

Глава III. Военныя дѣйствія подъ Евпаторіей. Стычки съ непріятелемъ. Штурмъ города 5 февраля 1854 города.

Глава IV. Нравы чиновниковъ.

Заключеніе. Русскій человѣкъ умѣетъ умирать за Россію, но не умѣетъ жить для нея.

Памятникъ войны.

Музей Императора Александра III Румянцевъ Библіотека

Таврическая Губернская Ученая Архивная Комиссія, въ виду приближающагося пятидесятилѣтія славной обороны Севастополя, озабочена какъ достойнымъ чествованіемъ этого великаго момента въ нашей исторіи, такъ и собраніемъ и изданіемъ воспоминаній очевидцевъ событій Крымской войны. Зная, что я былъ свидѣтелемъ многихъ обстоятельствъ того времени, означенная Комиссія повѣсткою отъ 11 ноября 1903 г. за № 164, обратилась ко мнѣ съ просьбою сообщить ей мои воспоминанія обо всемъ, чему я былъ очевидцемъ въ эпоху Крымской войны, напр.: о настроеніи мѣстныхъ жителей, о жертвахъ населенія, о дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ—военныхъ, гражданскихъ и пр., о госпиталяхъ, складахъ, дорогахъ и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить свои воспоминанія въ началѣ будущаго 1904 года, чтобы они могли быть напечатаны въ ея извѣстіяхъ ко времени празднованія 50-лѣтія обороны Севастополя. Вслѣдствіе чего я извлекъ изъ своихъ писемъ и записокъ свои воспоминанія и выслалъ означенной Комиссіи, на что получилъ отъ Таврической Губернской Ученой Комиссіи искреннюю благодарность отъ 4 февраля 1904 г. за № 107.

Введеніе.

Какова была общественная жизнь въ Евпаторіи передъ началомъ Крымской войны 1853—1856 г.г.? Какъ относились къ ней граждане, что думали, что дѣлали? Всѣ эти вопросы въ настоящее время кажутся намъ вполнѣ естественными, но какой отвѣтъ ихъ ждетъ?—Съ горькой усмѣшкой мы думаемъ объ этомъ. Я ничуть не преувеличу если скажу, что въ Евпаторіи предъ началомъ Крымской войны не было никакой общественной жизни. Здѣсь все сводилось къ частнымъ интересамъ каждаго; каждый за весьма, весьма рѣдкимъ исключеніемъ, думалъ только о себѣ и въ томъ лишь случаѣ о другомъ, когда видѣлъ въ этомъ опять-таки выгоду для себя. За ширмой общественныхъ интересовъ создавались цѣлыя системы злоупотребленій. Словомъ, здѣсь всюду преслѣдовались собственныя выгоды; жертвовать же собою Отечеству ни у кого не было въ мысляхъ. Однако, представляя Евпаторію въ такомъ мрачномъ видѣ, несправедливо было бы обойти молчаніемъ и тѣ условія, которыми создалось подобное положеніе. Прежде всего надо сказать, что Евпаторія въ 1853 году была городомъ сравнительно очень молодымъ въ Россіи; присоединена она къ Россіи въ 1784 году, слѣдовательно, ей было, если такъ можно выразиться, всего лишь 69 лѣтъ. Затѣмъ мы не должны оставить безъ вниманія и того, что съ 1478 года до дня присоединенія, т. е. въ те-

ченіи болѣе трехсотъ лѣтъ она принадлежала татарамъ подъ сюзеренствомъ турецкаго Султана. Наконецъ, въ 1853 году изъ 10—12 тысячъ всего населенія Евпаторіи три четверти приходилось на долю татаръ. Если мы къ этимъ тремъ причинамъ, которыми до нѣкоторой степени можно объяснить состояніе общественной жизни въ Евпаторіи въ эпоху Крымской войны, прибавимъ еще немалую удаленность города отъ другихъ центровъ общественной жизни и совершенно неблагоустроенные пути сообщенія, то Евпаторія останется не беззащитна отъ нападокъ со стороны другихъ городовъ. Дѣйствительно, могла ли Евпаторія въ то время жить иначе? Мы сказали уже, что на 10—12 тысячъ жителей Евпаторіи—три четверти приходилось на долю татаръ, но это вычисленіе однако не опредѣляетъ еще цифры русскаго населенія. Кромѣ русскихъ, здѣсь были еще греки, караимы, евреи, армяне и др. Словомъ, въ Евпаторіи пестрота населенія была видна на каждомъ шагу, и связать всюду эту разношерстную толпу вмѣстѣ, въ одно цѣлое, не было никакой возможности. Татары жили совершенно обособленной жизнью и со времени присоединенія Крыма нисколько не сблизились съ русскими. Они занимались мелкой торговлей, ремеслами, необходимыми въ быту татаръ, выдѣлкой кожи и кожевенныхъ издѣлій, выдѣлкой смушекъ, изготовленіемъ телѣгъ, держали кузницы, занимались ковкой лошадей и т. п. Многіе изъ нихъ ходили работать на соляныя озера, занимались извозомъ, нагрузкой судовъ. Большая часть изъ нихъ представляла изъ себя бѣдноту, живущую исключительно физическимъ трудомъ, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою лачугу, опыкновенно своей работы, и строго держался своихъ единовѣрцевъ. Всѣ они, за очень малымъ исключеніемъ, говорили только на своемъ родномъ языкѣ, и поэтому, всѣмъ, кто желалъ изъясняться съ ними безъ помощи переводчиковъ, надо было изучать татарскій языкъ. Изученіе татарскаго языка охватило всѣхъ, такъ что въ концѣ-концовъ и русскій, и грекъ, и еврей, и караимъ—всѣ говорили по-татарски. Татарскій языкъ пріобрѣлъ право гражданства, сталъ господствующимъ, сталъ своего рода международнымъ въ Евпаторіи—ему не измѣняли даже въ общественныхъ собраніяхъ. Сохраненію національныхъ чертъ въ татарахъ и обособленности ихъ не мало способствовали мечети, молитвенные дома. Въ Евпаторіи и теперь ихъ можно насчитать больше десятка, тогда же чуть ли не въ каждомъ татарскомъ кварталѣ красовался высокій минаретъ. Каждую пятницу правовѣрные собирались на молитву и вообще строго придерживались Корана. У татаръ были свои школы, но процентъ грамотности они давали небольшой. Такова въ общихъ чертахъ была главная часть населенія. Остальные 3000 жителей не представляли изъ себя, какъ татары, сплоченной массы, а разбивались или по національностямъ, или по роду занятій на мелкіе кружки. Греки, по преимуществу баркасники, держались своего общества; они хорошо сохранили свои національныя черты и родной языкъ. Караимы, солепромышленники, болѣе крупные торговцы такъ же держались твердо своего общества. Что касается евреевъ, то они не разбирали обществъ, а по роду своего занятія, факторства—держались не общества, а дѣла. Но гдѣ же русскіе и сколько ихъ? Русскихъ въ Евпаторіи было менѣе всѣхъ другихъ. Главнымъ образомъ то были чиновники, судьбой занесенные сюда, и служившіе въ разныхъ учрежденіяхъ; конечно, были и крестьяне, но въ общей сложности русскихъ было все же очень мало. Вотъ изъ какихъ эле-

ментовъ должна была составиться общественная жизнь въ Евпаторіи. Расположившись особнякомъ на берегу Чернаго бурнаго моря, не имѣя удобнаго и болѣе или менѣе постояннаго общенія съ другими городами, съ пестрымъ чуждающимся другъ друга населеніемъ, Евпаторія не могла принимать живого участія не только въ политическихъ интересахъ государства, но даже и въ своей городской общественной жизни. Она была, что называется, совершенно не въ курсѣ дѣла, и именно такою ее застала война 1853—1856 г.г.

ГЛАВА I.

Какъ вереница каравана
Въ степи виднѣется вдали,
Съ утра сквозь пелену тумана
Вдругъ стали видны корабли.
Кассинскій.

ЗАДОЛГО до высадки непріятельскихъ войскъ въ Крыму и занятія Евпаторіи, городскіе жители ея не разъ замѣчали, какъ корабли союзнаго флота то показывались подъ городомъ, то снова исчезали въ море. Въ первые разы такихъ наблюденій жители сильно переполошились, заговорили о войнѣ, женщины плакали, но затѣмъ мало-по-малу успокоились, и непріятельскіе корабли въ виду Евпаторіи уже не производили, повидимому, на нихъ сильнаго впечатлѣнія—они привыкли къ нимъ; жизнь города текла по прежнему. Такимъ образомъ, не трудно было замѣтить, что страхъ Евпаторійцевъ былъ страхомъ, какъ бы дикарей, страхомъ за настоящую минуту, безъ взглядовъ на будущее. Появился чужой корабль—они испугались, переполошились, засуетились; корабль ушелъ—все стало по прежнему, развѣ только прибавилось шутливое воспоминаніе о недавнемъ страхѣ. Высшій слой Евпаторійскаго общества—люди чиновные, помѣщики—люди передовые, мало чѣмъ въ данномъ случаѣ отличались отъ прос-

того народа. Никому изъ нихъ, повидимому, не приходило въ голову, что сосѣдство непріятеля можетъ грозить, если не опасностью, то хоть непріятностями. Ни одинъ помѣщикъ не позаботился вывезти изъ Евпаторіи хоть что-нибудь изъ своего имущества, не смотря на то, что у многихъ деревни находились недалеко отъ города. Это происходило не отъ отваги или вѣры въ человѣчность непріятеля, а просто отъ невѣдѣнія и наивной беззаботности непугаемыхъ воронъ. Были въ то время въ Евпаторіи и люди правильно понимавшіе положеніе дѣлъ, люди дальновидные, но они должны были держать, что называется, языкъ за зубами.

Въ то время я былъ въ офицерскомъ чинѣ, служилъ столоначальникомъ въ Евпаторійскомъ Городовомъ Магистратѣ. У насъ носился упорный слухъ, что въ Крыму долженъ быть сдѣланъ дессантъ Англо-Французскихъ и Турецкихъ войскъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ мы скоро получили циркулярное предписаніе отъ Таврическаго Губернскаго Правленія быть на-готовѣ къ выѣзду по дорогѣ на Перекопъ, со всѣми дѣлами, но въ томъ лишь случаѣ, если дессантъ непріятельскій будетъ сдѣланъ въ Евпаторіи. Вмѣстѣ съ этимъ, Губернское Правленіе предписывало дѣлопроизводства не прекращать. Получивъ такого рода предписаніе, мы не знали къ кому обратиться за добрымъ совѣтомъ, какъ намъ быть, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. У членовъ Магистрата напрасно было искать совѣта—всѣ они были люди очень ограниченные; купцы, мѣщане—рѣдко кто изъ нихъ былъ грамотнымъ, нѣкоторые не умѣли даже подписать своей фамиліи и вмѣсто подписи прикладывали именныя печати. Что намъ дѣлать? Мы съ секретаремъ Магистрата, Сергѣемъ Григорьевичемъ

Кузьменко, порѣшили сообща всѣ дѣла упаковать въ тюки и быть въ полной готовности къ выѣзду, тѣмъ болѣе, что флотъ непріятельскій все чаще и чаще сталъ показываться предъ нашими глазами. Наши опасенія относительно того, что непріятельскія суда не напрасно отъ поры до времени навѣщаютъ Евпаторію, вскорѣ оправдались.

Помню хорошо, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 г., на третій день Свѣтлаго праздника, въ виду Евпаторіи показалось два парохода. Войдя въ бухту, они стали на якорѣ, не подымая, однако, національнаго флага, что требуется обыкновенно отъ каждаго парохода. Стоявшее въ то время на Евпаторійскомъ рейдѣ одно русское каботажное судно, первое замѣтило пароходы; шкиперъ его, будучи увѣренъ, что пароходы эти непріятельскіе, и что они берутъ курсъ прямо на него, рѣшилъ, по-добру, по-здорову съѣхать вмѣстѣ съ экипажемъ на берегъ и предупредить жителей о грозящей опасности. Между тѣмъ корабельный смотритель таможни, нѣкто Яшниковъ, ревностный службистъ, не зная, что за пароходы пожаловали къ намъ, немедленно съ командой отправился опросить ихъ, но поплатился за это тѣмъ, что вмѣстѣ съ матросами и лодкой былъ взятъ на абордажъ парохода, а впослѣдствіи—въ качествѣ плѣнника отправленъ въ Лондонъ. Спустя нѣкоторое время, пароходы на нашихъ глазахъ оттянули подальше въ море то каботажное судно, о которомъ мы сейчасъ говорили, зажгли его на виду Евпаторіи, а сами снялись съ якоря и взяли курсъ по направленію за карантинный выступъ. Паническій страхъ обуялъ жителей. У нихъ на глазахъ непріятель вырвалъ душъ десять жителей, сжегъ судно и самъ ушелъ. Зачѣмъ все это сдѣлалъ онъ? Быть можетъ вернется завтра вновь и съ большей силой? На-

конецъ-то у Евпаторійцевъ возникъ вопросъ—что будетъ завтра? Мѣстныя власти, хотя и растерялись, но все же проявили нѣкоторую дѣятельность: они поручили двумъ донскимъ казакамъ прослѣдить по берегу удаленіе непріятельскихъ судовъ. Но можно ли себѣ представить весь ужасъ жителей, когда, часъ спустя, казаки возвратились во весь карьеръ и сообщили, что недалеко отъ города непріятель высадилъ свои войска на берегъ. Многіе, узнавъ объ этомъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, оставивъ на произволъ судьбы все имущество и захвативъ съ собою на скорую руку только то, что можно было взять, рѣшили бѣжать и бѣжали. Но, къ счастію, вскорѣ выяснилось, что вмѣсто непріятеля за городомъ оказалось на подножномъ корму стадо барановъ. Тишина возстановилась; поплатились въ этомъ случаѣ лишь одни легковѣрные, имущество которыхъ моментально было расхищено цыганами. Конечно, бѣжавшіе жители скоро узнали, что они сдѣлались жертвой ложной тревоги; многіе изъ нихъ возвратились обратно съ дороги, многіе остались ночевать въ степи подъ открытымъ небомъ, а многихъ на ночь пріютилъ у себя въ деревнѣ Мамай князь Меметъ Бей Балатуковъ, Евпаторійскій помѣщикъ. Онъ, надо отдать ему честь, былъ человѣкомъ добрымъ, всегда принималъ живое участіе во всѣхъ, кто нуждался и обращался къ нему за помощью.

Итакъ непріятель ушелъ, но слышно было, что съ того времени его пароходы занялись охотой на купеческія суда, крейсировали по морю и ловили ихъ. Случалось, что пароходы союзныхъ войскъ подходили даже къ Евпаторійскому рейду, но не входили въ бухту. Въ виду явной опасности которая ежеминутно грозила Евпаторіи, нѣкоторыя присутственныя мѣста

по распоряженію своихъ начальствъ вывезли архивы въ уѣздъ, а казначейство даже совсѣмъ выѣхало въ Перекопъ. Замѣтно было, что ждутъ чего-то. Съ этого времени зажиточные обыватели города мало-по-малу начинаютъ переселяться въ уѣздъ, а нѣкоторые въ Симферополь, Перекопъ и далѣе. Многіе до своего выѣзда изъ города, опасаясь грабежа со стороны цыганъ и татаръ, сдавали на храненіе все драгоцѣнное имущество подъ надежные замки честныхъ караимовъ.

Но вотъ наступило первое сентября, день памятный для Евпаторіи. Въ 6 часовъ утра городу даютъ знать, что съ Тарханкутскаго маяка замѣчено безчисленное множество непріятельскихъ кораблей, которые длинной вереницей идутъ по направленію къ Евпаторіи. Не смотря на раннее утро, весь народъ поднялся, засуетился. Много любопытныхъ отправилось за карантинъ, откуда можно было лучше прослѣдить непріятеля. Не говоря о балконахъ, народъ взбирался на крыши, на церковную колокольню, мечеть; словомъ каждый на перерывъ старался выбрать себѣ самыя возвышенныя мѣста, чтобы воочію увидѣть непріятельскій флотъ. Я, не менѣе другихъ, былъ охваченъ общимъ теченіемъ. Жители сознавали, что городу наступаетъ роковой часъ. Всѣ были твердо увѣрены, что на этотъ разъ непріятельскій флотъ не ограничится однимъ лишь визитомъ, какъ въ первый разъ, что нужно готовиться къ бѣгству, но тѣмъ не менѣе каждый не спѣшилъ, каждый хотѣлъ быть до конца, выждать развязку. Такое отношеніе Евпаторійцевъ къ наступавшему событію, я думаю объясняется очень просто. Городъ, въ которомъ не было войска, если не считать слабосильной команды и нѣсколькихъ казаковъ, разумѣется, не могъ сопротивляться непріятелю; нельзя же было думать, что непріятель въ свою очередь

станетъ воевать съ беззащитнымъ населеніемъ. Часовъ въ 12 дня громаднѣйшій флотъ былъ у всѣхъ на глазахъ, подходилъ къ рейду, а въ два часа вся бухта Евпаторійская и самый рейдъ были запружены судами. Кто былъ въ Евпаторіи, тотъ знаетъ какъ велика тамъ бухта. Видъ съ берега былъ болѣе чѣмъ живописенъ. Мачты кораблей густымъ лѣсомъ стояли на морѣ, а трубы пароходовъ, дымъ, разная окраска кораблей, снасти, поднятые кое гдѣ паруса—все это еще не успѣвшее застыть на мѣстѣ, слегка въ движеніи производило само по себѣ сильное впечатлѣніе. Врядъ ли когда-нибудь Евпаторіи приходилось видѣть, что нибудь подобное. Казалось, здѣсь были суда всѣхъ видовъ и назначеній—пароходы, фрегаты, транспортныя суда, линейные корабли и канонерки, на которыхъ массами кишѣло войско. Съ берега намъ видно было какъ мелкія суда—почтъ-пароходы сновали то туда, то сюда, очевидно, передавая приказанія начальства. Но вотъ на глазахъ у насъ нѣсколько пароходовъ отдѣляются отъ общей массы, подходятъ ближе къ берегу, открываютъ люки и готовятся дать по городу залпъ. Еще нѣсколько минутъ и наше вниманіе переносится на три шлюпки, которыя несутся прямо на нашу пристань. Очевидно, непріятель открытыми люками далъ намъ понять, что его лодки покажутъ, какъ дѣйствовать ему. Къ этому времени на набережную пристань Евпаторіи собрался буквально весь городъ, и старъ и малъ и еврей, и русскій, и караимъ, и грекъ, словомъ всѣ собрались сюда. При этомъ нельзя было не обратить вниманія на татаръ; они составили отдѣльную большую группу. Собравшись гурьбой, они стояли, перешептывались между собой и зорко озирались вокругъ. Ихъ злые замыслы не могли ни отъ кого ускользнуть,

такъ что въ концѣ-концовъ жители стали бояться больше ихъ, чѣмъ самого непріятеля.

Шлюпки все ближе и ближе подходили къ пристани. Весь народъ хлынулъ туда, но напрасно, тамъ, что называется, яблоку некуда было упасть, Впереди всѣхъ у сходенъ пристани стояла вся городская власть: Комендантъ Николай Ивановичъ Казначеевъ, Городничій, Управляющій Таможней и Карантиномъ; здѣсь же былъ переводчикъ. Въ полной парадной формѣ, съ явнымъ волненіемъ, въ безмолвіи впились они глазами въ незванныхъ гостей и съ минуты на минуту готовились къ бесѣдѣ. Наконецъ, непріятельскіе багры толкнулись о пристань и притянули шлюпки. На пристань, такъ же въ полной парадной формѣ, сошли Парламентеры отъ трехъ державъ, каждый со своимъ переводчикомъ. Бесѣда длилась недолго. Городъ сдался. Жителямъ было предоставлено право оставаться въ городѣ или же въ 24 часа покинуть его. Затѣмъ, попрощавшись съ нашими властями, со всѣми тонкостями международнаго приличія, Парламентеры отчалили назадъ. Насталъ роковой часъ. Къ военному Губернатору сейчасъ же былъ посланъ гонецъ съ донесеніемъ о сдачѣ города. Каждый долженъ былъ рѣшить, что дѣлать. Поднялась суета, сборы, приготовленія. Но вотъ бѣда, нигдѣ нельзя достать подводы. Татары, на которыхъ главнымъ образомъ можно было надѣяться въ данномъ случаѣ, какъ на фурщиковъ, ни за какія деньги не согласились дать своихъ подводъ. Этимъ они, между прочимъ, явно обнаружили свою приверженность къ нашему врагу. Что оставалось дѣлать? Кто имѣлъ своихъ лошадей, забиралъ съ собою часть имущества, а кто не имѣлъ, тотъ долженъ былъ пѣшкомъ искать убѣжища. Разумѣется, здѣсь уже нелязя было думать о томъ, чтобы захва-

тить съ собою много. Почти все цѣликомъ оставалось на разграбленіе цыганъ. И вотъ, черезъ часъ, другой потянулся изъ города въ разныя стороны своеобразный караванъ. Многимъ бѣднякамъ, кто во время не успѣлъ добраться до деревни, пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ. Тутъ еще разъ я помяну имя благороднаго Меметъ Бея Балатукова. На этотъ разъ, какъ и раньше, онъ откликнулся добрымъ сердцемъ на народное бѣдствіе и всѣхъ кого зналъ и не зналъ, безъ различія націй, всѣхъ, кто искалъ у него убѣжища, онъ пріютилъ у себя. О Балатуковѣ надо замѣтить, что хотя князь этотъ былъ и мусульманинъ, но душой онъ былъ преданъ Россіи и любилъ русскій народъ. Во время Крымской войны онъ оказалъ намъ, русскимъ, большую услугу; съ увѣренностью можно сказать, что благодаря тому сильному вліянію, которымъ онъ пользовался среди татаръ, мы обязаны сохраненіемъ многихъ русскихъ деревень. Дѣло въ томъ, что татары тогда, составляя главное населеніе Крыма, отличались гораздо большимъ фанатизмомъ, чѣмъ теперь; не трудно было муллламъ поднять ихъ противъ христіанъ. Вотъ въ этомъ отношеніи Балатуковъ выступилъ защитникомъ русскихъ; онъ во время съумѣлъ остановить общее волненіе татаръ и только малая часть ихъ, отъявленные башибузуки, не поддались его увѣщеніямъ. Объ нихъ мы скажемъ дальше.

Такъ-то начался и прошелъ первый день памятнаго сентября. На слѣдующій день мы узнаемъ, что по распоряженію Губернатора, слабосильная команда и казаки отозваны въ Симферополь, на полицію же возложено порученіе уничтожить хлѣбъ въ зернахъ, котораго можно было насчитать до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ четвертей въ купеческихъ амбарахъ. Полиція энергично принялась за это дѣло, прибѣгая

къ разнымъ средствамъ безъ различія—грязь изъ уличныхъ лужъ (Евпаторія всегда изобиловала ими), морская вода и известь—все это рука объ руку встрѣчалось въ амбарахъ. Дѣло шло бойко, но не успѣла полиція до конца довести порученія, какъ вдругъ по доносу татаръ неожиданно явился непріятельскій отрядъ и заарестовалъ въ амбарахъ: Городничаго Костюкова, Частнаго Пристава Романа Антоновича Лихошерстова, моего зятя; переводчика Михаила Константиновича Сериго и нѣсколько городовыхъ изъ русскихъ, городовые же изъ татаръ успѣли разбѣжаться. У меня является тутъ подозрѣніе, не эти ли городовые-татаре привели непріятеля. Въ числѣ арестованныхъ былъ также землемѣръ Баклановъ. Арестованнымъ объявили, что считаютъ ихъ за измѣнниковъ турецкому правительству и что всѣхъ ихъ предадутъ суду, а пока судъ да дѣло ихъ отправили на турецкія суда. Въ тотъ же день непріятельскій флотъ удалился изъ Евпаторіи, оставивъ на рейдѣ только нѣсколько судовъ для занятія города.

ГЛАВА II.

КЪ ВЕЧЕРУ 2-го сентября 1854 года Евпаторія находилась не только въ полномъ подчиненіи непріятеля, но къ тому времени здѣсь даже прочно организовалась городская администрація. По мѣсту расположенія союзныхъ войскъ, городъ получилъ соотвѣтствующія дѣленія и названія; Комендантомъ города былъ назначенъ Топалъ Умеръ Паша, а Городничимъ назначенъ Сокуръ Османъ, бывшій въ то время Городскимъ Головою. Вѣсть о занятіи города съ неимовѣрной быстротой распространилась по уѣзду и съ этого времени сельскіе татары не только Евпаторійскіе, но и другихъ уѣздовъ стали ежедневно большими толпами направляться въ городъ. Они бросали свои аулы и съ фанатическою радостью шли къ своимъ единовѣрцамъ, мечтая о будущемъ величіи Турціи и гибели Россіи. Но какъ жестоко ошиблись татары, какъ сильно поплатились они за свои надежды! Спѣша въ Евпаторію, они наскоро брали съ собою только самое цѣнное имущество, да угоняли скотъ, случалось, что не весь; что же касается всего прочаго домашняго хозяйства, собраннаго въ амбарахъ и ямахъ зерна и т. п., то все это они бросали на произволъ судьбы. Они думали, что султанъ оцѣнитъ ихъ преданность и вознаградитъ каждаго по-царски,

Вначалѣ дѣйствительно надежды татаръ какъ будто и находили себѣ оправданіе. Турецкое начальство войсковое, нуждаясь въ рогатомъ скотѣ, принимало первыхъ переселенцевъ съ большой признательностью, обѣщало о нихъ доложить султану, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда въ Евпаторіи ихъ появилось больше, чѣмъ надо было, отношенія къ нимъ измѣнились: цѣлыя толпы ихъ не находили себѣ пристанища, бродили уныло по улицамъ, исполняли разныя тяжелыя работы. Положеніе этихъ татаръ было крайне жалкое. Лишившись всего, что имѣли, что скопили цѣлыми годами, и придя сюда безъ всего, только съ радужными надеждами, которыя вселили въ нихъ муллы—они здѣсь столкнулись съ горькой дѣйствительностью, и поникли духомъ. Снисходя къ ихъ просьбамъ и безвыходному положенію, турецкое правительство, наконецъ, рѣшило отправить ихъ въ Турцію, но и здѣсь имъ не посчастливилось,—посаженныхъ на корабли въ пути застигла страшная буря, и большая часть ихъ погибла. Въ то время въ Черномъ морѣ буря свирѣпствовала съ какою-то особенною, необыкновенною силою. Говорятъ, что въ одинъ штормъ 2-го ноября разныхъ непріятельскихъ судовъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ погибло около двухъ сотенъ.

Что же дѣлали непріятельскія войска по занятіи города? Какъ и надо было ожидать, они прежде всего не замедлили отправить свой отрядъ въ окрестности города на фуражировку, а затѣмъ принялись за укрѣпленіе своей новой стоянки. По гарнизону немедленно вышелъ приказъ о томъ, чтобы тѣ изъ начальствующихъ лицъ, кому надлежало, выслали на работу всѣхъ жителей мужского пола отъ 15 до 50 лѣтъ. Дѣлать было нечего, и наши, не бѣжавшіе въ свое время изъ города Евпаторійцы, и старъ и младъ, съ лопатами, кирками, ломами, кому что было дано, пошли работать изъ подъ палки. Можно думать, что съ ними не особенно нѣжились, такъ какъ работы закончились въ самомъ непродолжительномъ времени. Городъ былъ обнесенъ довольно высокимъ валомъ и огражденъ глубокимъ рвомъ. Послѣ этого турки почили отъ своихъ дѣлъ и съ необыкновенно важнымъ видомъ побѣдителей предались обычному кейфу. За чашкой кофе у нихъ, между прочимъ, безповоротно было рѣшено, что Крыму осталось еще не долго жить до присоединенія къ Турціи. Отношеніе турокъ къ плѣнному коренному населенію Евпаторіи было, если такъ можно выразиться, вполнѣ европейскимъ. Относительно же татаръ, которые такъ косо смотрѣли на русскихъ при занятіи города, говорили, что они въ тотъ же день убили нѣсколько христіанъ. Я не могу этого подтвердить, но... слухомъ земля полнится. Мнѣ передавали даже, какъ Топалъ Умеръ Паша отнесся къ этому. Онъ говорилъ, что хотя по Корану убіеніе христіанъ, въ особенности во время войны съ ними, не представляетъ изъ себя ничего предосудительнаго, но надо всегда обращать при этомъ вниманіе на положеніе дѣлъ. Въ данномъ случаѣ, говорилъ онъ, Турція ведетъ войну съ Россіей не одна; съ нею въ союзѣ, за нее стоятъ и Франція и Англія—государства христіанскія; при такихъ обстоятельствахъ безъ причины избивать христіанъ, избивать ихъ лишь только потому, что они христіане—нельзя: это можетъ оскорбить союзниковъ.

Въ то самое время, какъ непріятель устраивался въ городѣ, небольшой отрядъ нашихъ Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Хоперскаго, спѣшилъ въ имѣніе Князя Воронцова, въ деревню Шейхларъ, съ порученіемъ конвоировать транспортъ съ имуществомъ

Князя и охранять его до Перекопа. Однако, къ великому прискорбію Донцевъ, имъ неудалось исполнить порученія—въ дорогѣ съ ними встрѣтился татарскій отрядъ силою около 1000 человѣкъ и потребовалъ сдачи всего имущества. Хоперскій, видя предъ собою такую огромную силу татаръ, счелъ за безуміе сопротивляться, уступилъ имъ весь обозъ, а самъ отправился въ Симферополь съ докладомъ. Это былъ первый непріятельскій трофей по занятіи города. Этотъ первый трофей непріятеля показалъ ему, что въ уѣздѣ все склонялось предъ нимъ такъ же безъ сопротивленія, какъ и въ городѣ. Однако не смотря на это, союзныя войска не злоупотребляли особенно своею силою, и въ глубь Евпаторійскаго уѣзда не посылали своихъ отрядовъ. Помѣщикамъ при такомъ положеніи дѣлъ пришлось считаться не столько съ самимъ непріятелемъ, сколько съ разбойничьими шайками своихъ же сосѣдей-татаръ. Относительно татаръ Евпаторійскихъ какъ городскихъ, такъ и уѣздныхъ, можно сказать, что они въ общей массѣ со дня прибытія непріятельскихъ войскъ, хотя и не могли скрыть своей приверженности къ нимъ, но все же не выразили ни чѣмъ своего негодованія противъ нашихъ властей и народа. Если же въ уѣздѣ мы и встрѣчали съ ихъ стороны грабежи и разбои, то въ данномъ случаѣ надо считаться съ отдѣльными личностями безпокойнаго характера, личностями, которыя и въ мирное время проявляли именно эти свои пороки.

Въ то время я жилъ въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи при деревнѣ Майрикъ. Наступало тревожное время. Изъ сосѣднихъ деревень намъ каждый день сообщали, что разбойничьи шайки разгуливаютъ то тамъ, то сямъ, и мы со дня на день ждали, когда не званные гости пожалуютъ къ намъ. Намъ передавали,

что эти шайки подъ угрозой смерти требуютъ у помѣщиковъ денегъ, угоняютъ ихъ скотъ; такъ шайки обходились обыкновенно съ большинствомъ хозяевъ, но не со всѣми—нѣкоторымъ чиновникамъ полицейскимъ и судейскимъ разбойники въ данномъ случаѣ выразили свое особенное вниманіе и поставили ихъ въ исключительное положеніе, но далеко не привиллегированное. Въ число этихъ выдѣленныхъ попали тѣ лица, съ которыми татаре-грабители имѣли свои личные счеты. Кромѣ того, что они подверглись общей участи—грабежу, ихъ связали и увели въ Евпаторію на работы по укрѣпленію города. Нѣкоторымъ изъ нихъ, несчастнымъ, дѣйствительно пришлось, какъ мы потомъ узнали, съ лопатой и ломомъ болѣе мѣсяца исполнять тяжелыя работы, копать ровъ и насыпать валъ вокругъ города. Слыша такія вѣсти, мы все время находились въ нервно-напряженномъ состояніи. Нами овладѣли и злоба и страхъ. Что если явятся сейчасъ бунтовщики и отберутъ у насъ послѣднее имущество? Какую силу мы можемъ противоставить имъ? Мы не могли надѣяться на помощь войска, такъ какъ во всемъ уѣздѣ не было ни одного солдата, а свои личныя средства для даннаго случая были слишкомъ слабы. Насъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что мы бездѣйствовали, не заявляли о грозящей и уже наступившей опасности—мы сдѣлали все это, но къ сожалѣнію, наши заботы не достигли цѣли, и тщетенъ былъ трудъ. Это было, помню отлично, на другой день послѣ того, какъ есаулъ Хоперскій потерпѣлъ неудачу. Онъ по дорогѣ въ Симферополь остановился у насъ въ деревнѣ на ночлегъ, и тогда же мы порѣшили вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ губернатору въ Симферополь, выяснить ему опасное положеніе дѣлъ въ уѣздѣ и просить защиты. Рѣшено—сдѣлано. Еще день, другой, и мы—я, Хопер-

скій, затѣмъ, бывшій секретарь полиціи Дмитрій Антоновичъ Лихошерстовъ и вольнопрактикующій докторъ Николай Николаевичъ Смирновъ, предстали предъ губернаторомъ. Губернаторомъ былъ Пестель. Доведя до его свѣдѣнія, что въ уѣздѣ у насъ неспокойно, и что мы лишены всякой возможности защищаться отъ грабителей татаръ, мы въ заключеніе, просили дать уѣзду военную охрану. Губернаторъ выслушалъ насъ до конца, и когда мы, окончивъ рѣчь, приготовились пожинать лавры нашей заботливости, онъ многозначительно намъ отвѣтилъ: „Татаре не грабятъ, не бунтуютъ, и бунтовать не будутъ—бунтуете Вы!“ Послѣ такого пріема намъ ничего не оставалось, какъ удалиться отъ важнаго сановника, вынося самыя грустныя впечатлѣнія. Хоперскій доложилъ объ этомъ по начальству.

Съ поникшей головой, незаслуженно оскорбленные губернаторомъ, мы возвратились домой. Я засталъ у себя дома все благополучно; слухи же о грабежахъ не утихали. Волей не волей приходилось приготовиться къ встрѣчѣ татаръ, разрабатывать планъ оборонительнаго положенія. На ночь мы рѣшили выставлять наружныхъ караульныхъ съ дубинами, а сами держали на готовѣ изъ огнестрѣльнаго оружія единственное ружье, такъ какъ у насъ, кромѣ него, ничего другого не оказалось. Въ общемъ наше осадное положеніе не могло представить ничего утѣшительнаго.

Ожиданіямъ нашимъ суждено было скоро сбыться. Какъ-то вечеромъ мы замѣтили двухъ верховыхъ, которые направились прямо на нашу экономію. Еще нѣсколько минутъ, и предъ нами сидѣли на лошадяхъ два здоровенныхъ татарина, хорошо вооруженныхъ. За поясами у нихъ виднѣлись кинжалы, сбоку висѣли сабли; ихъ баранья шапки украшала чалма. Съ перваго взгляда мы поняли, что это за люди, и что имъ

надо. Подойдя ближе, я узналъ въ нихъ поселянъ отдаленной деревни; я съ ними даже былъ немного знакомъ, но на этотъ разъ они не признавались. Поздоровавшись съ нами, они довольно мирно заявили, что ихъ послало турецкое правительство за „контрибуціей“, на основаніи чего, исполняя волю Султана, они требуютъ выдачи всего скота, а на случай, если имъ скота сейчасъ же не дадутъ, они немедленно призовутъ турецкія власти, и тогда уже силою возьмутъ не только скотъ, но и все имущество. Какъ быть? Я хорошо владѣлъ татарскимъ языкомъ, и вступилъ съ ними въ дипломатическіе переговоры. Я убѣждалъ ихъ оставить насъ въ покоѣ, говорилъ, что мы жители мирные, что мы никогда не дѣлали зла татарамъ, жили съ ними всегда хорошо, помогали имъ, наконецъ, мы люди не богатые, у насъ многимъ нельзя поживиться, и что если они возьмутъ нашъ скотъ, то мы останемся нищими. Я предлагалъ имъ отказаться отъ своихъ требованій, войти къ намъ въ нашъ домъ, быть нашими гостями и разстаться друзьями. Однако, какъ я ни старался, мои увѣщанія на нихъ не дѣйствовали. Видя это, я попытался прибѣгнуть къ послѣдней мирной мѣрѣ—я обратился къ поселянамъ татарамъ нашей деревни съ просьбой, чтобы они усовѣстили этихъ негодяевъ, но поселяне, боясь навлечь на себя ихъ неудовольствіе, отказались бесѣдовать съ ними и попрятались въ своихъ домахъ. Что оставалось дѣлать?—говорить дальше, тратить слова по-пусту, я находилъ лишнимъ. „Ну, сказалъ я имъ, если не хотите быть порядочными людьми, оставайтесь здѣсь, а намъ пора во дворъ“! При этихъ словахъ я вошелъ во дворъ, за мною послѣдовали также два моихъ брата и прислуга. Мы заперли ворота. Татаре слѣзли съ коней, обнажили шашки, стали за скотнымъ дворомъ

и начали вполголоса совѣщаться. Понимая, какъ важно намъ знать, о чемъ они совѣщаются, я не теряя времени, тихо забрался въ загонъ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Въ это время совсѣмъ стемнѣло. Хотя съ трудомъ, но все же мнѣ удалось услышать, что они говорили о неудавшейся попыткѣ грабежа и собирались призвать къ себѣ на помощь другихъ своихъ товарищей. Озлобленный такой дерзостью татаръ, я хотѣлъ выйдти къ нимъ и пригрозить ружьемъ, какъ вдругъ они засуетились, вскочили вмигъ на лошадей и понеслись карьеромъ. Что случилось? Мы всѣ выбѣжали за ворота—всадники исчезли, но съ противоположной стороны слышался лошадиный топотъ и фырканье коней. Казалось цѣлый отрядъ приближался къ намъ. Наступившая уже темная ночь навѣяла на насъ тоже темныя, мрачныя чувства. Что оставалось намъ предполагать, какъ не то, что къ намъ приближается большая шайка татаръ, которая долго говорить не станетъ, ограбитъ насъ, оставитъ безъ всего. Наступила мучительная минута неизвѣстности. Но вотъ уже стали видны силуэты, слышенъ стукъ шашекъ. Звучно раздается команда: „стой; слѣзай“! и предъ нами Донскіе казаки. Трудно представить себѣ радость, съ которой мы встрѣтили своихъ спасителей—женщины стали плакать. Теперь намъ понятно стало, почему вмигъ ускакали грабители. Хотя радость и меня охватила не менѣе другихъ, но я все же не переставалъ находиться подъ впечатлѣніемъ только что пережитой злобы противъ дерзкихъ татаръ. Чувство мести разыгралось во мнѣ. Въ торопяхъ я разсказалъ есаулу, начальнику казаковъ, о томъ, что было передъ этимъ и убѣдительно просилъ его немедленно послать за татарами погоню. Казаки живо вскочили на коней, я указалъ имъ дорогу, и они помчались. Къ

моему крайнему сожалѣнію, грабители успѣли скрыться. Будь это раньше минутъ на 15, мы навѣрно имѣли бы на этотъ разъ удовольствіе видѣть ихъ въ ту же ночь вторично. Здѣсь я припоминаю о своей погонѣ за татарами.

Какъ только мысль о преслѣдованіи татаръ зародилась во мнѣ, я инстинктивно рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ казаками, руководить ими и, по крайней мѣрѣ, быть свидѣтелемъ того, какъ изловятъ негодяевъ. Съ этою цѣлью я бросился въ конюшню, наскоро осѣдлалъ своего любимаго верхового коня и пустился вслѣдъ за казаками. Первыя минуты я летѣлъ очертя голову, ни на что не взирая, но дальше, сталъ замѣчать, что моя лошадь какъ то особенно, необыкновенно шла галопомъ. Я употреблялъ всѣ усилія, стараясь прибавить ходу; билъ лошадь плетью, давалъ ей шенкеля, но все было напрасно—мало того, что лошадь шла прыжками, она начала бить задомъ и трястись. Такъ проѣхалъ я версты двѣ; казаковъ конечно и слѣдъ простылъ. Огорченный неудачей, я остановилъ лошадь, слѣзъ съ нея и сталъ внимательно ее осматривать. Со мною никогда не случалось ничего подобнаго. Ѣздилъ я отлично, свою лошадь зналъ хорошо, а тутъ, какъ на бѣду вмѣсто ѣзды вышли какія то акробатическія упражненія. Отъ сдѣланныхъ двухъ верстъ я былъ совсѣмъ разбитъ, а лошадь тяжело дышала, сопѣла и вся дрожала. Осмотрѣлъ я сѣдло, уздечку, удила—въ порядкѣ все. Наконецъ въ темнотѣ я замѣтилъ, что бѣдная лошадь была спутана на переднія ноги. Все объяснилось. Жаль мнѣ стало коня, хотѣлъ я сейчасъ же распутать его, но тутъ опять неудача—при мнѣ не оказалось ничего такого, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать. Насилу я пѣшкомъ добрался домой, измучивъ такимъ образомъ, себя и лошадь со-

вершенно напрасно. Вслѣдъ за мною вернулись и казаки.

Возвратясь домой узнаю, что старшій мой братъ Николай Раковъ получилъ отъ сосѣда помѣщика Степана Марковича Стулли—записку, въ которой было написано: что татары бунтуются и избили многихъ крестьянъ до полусмерти, причемъ просилъ пріѣхать со всѣми братьями, насъ же въ то время было шесть взрослыхъ братьевъ. Тогда братъ Николай показалъ ту записку есаулу Хоперскому, который немедленно распорядился въ защиту Стулли послать 25 казаковъ съ унтеръ-офицеромъ; я также изъявилъ свое желаніе ѣхать вмѣстѣ съ казаками; по дорогѣ заѣхали къ означенному помѣщику Стулли, гдѣ взяли еще 5 верховыхъ людей изъ крестьянъ, откуда всѣ вмѣстѣ отправились въ другую деревню Стулли,—Кара-Кущи, ту самую, гдѣ бунтовались татары, но не доѣзжая до этой деревни, я распорядился оставить казаковъ въ балкѣ, въ недалекомъ разстояніи, причемъ предупредилъ казаковъ, что въ случаѣ какого либо несчастья, я вызову ихъ на помощь посредствомъ свистка, а самъ съ 5-ю крестьянами заѣхалъ въ деревню Кара-Кущи, чтобъ разузнать причину побоища; какъ только я въѣхалъ въ деревню, со всѣхъ сторонъ окружили меня татары, числомъ около 200 человѣкъ, всѣ вооруженные пиками и ножами на поясахъ; у всѣхъ татаръ шапки были перевязаны бѣлыми чалмами; это означало, что татары подчинились Турецкому подданству, а на вопросъ мой татарамъ, зачѣмъ они избили крѣпостныхъ людей своего же помѣщика Стулли, татары отвѣтили въ очень грубомъ тонѣ съ ненавистью ко мнѣ, причемъ добавили, что въ настоящее время русскаго начальства нѣтъ, и они его не признаютъ болѣе, потому, что настало время турецкаго владычества; затѣмъ татары

объявили мнѣ, чтобы я по-добру и по-здорову убрался обратно туда, откуда пріѣхалъ. Тогда я, какъ русскій патріотъ, отвѣтилъ татарамъ, какъ имъ несовѣстно безъ всякой причины измѣнить русскому правительству. Въ это время многіе изъ татаръ набросились на меня и на крѣпостныхъ людей съ ругательствомъ и нанесли имъ довольно чувствительные побои плетьми и палками. Чувствуя себя крайне обиженнымъ, я началъ давать условные свистки, и на зовъ мой немедленно явились означенные 25 казаковъ, и тогда началась общая потасовка и побоище, гдѣ перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ, и тогда татары видя что передъ ними явились вооруженные казаки, вскорѣ усмирились и многіе разбѣжались; но когда я замѣтилъ, что татары начали съѣзжаться изъ другихъ деревень верхами, и предвидѣлъ, что намъ можетъ угрожать опасность, мы возвратились обратно и доложили обо всемъ происходившемъ есаулу Хоперскому.

Всю ночь напролетъ въ нашей экономіи на радостяхъ почти никто не спалъ. Казаки за дружеской бесѣдой разсказывали о своихъ походахъ, о томъ, что дѣлалось тамъ, гдѣ они проходили и т. п., и въ свою очередь слушали насъ. На другой день рано утромъ, несмотря на то, что мы провели ночь безъ сна, я и братъ мой Діонисій Саввичъ. взяли нѣсколько преданныхъ слугъ и, съ разрѣшенія есаула, отрядъ изъ 12 казаковъ, выѣхалъ искать тѣхъ двухъ разбойниковъ, которые въ прошлый вечеръ перепугали насъ. Мы направились прямо въ аулъ, гдѣ жили эти грабители. Такъ какъ Аулъ, въ которомъ жили грабители, находился довольно далеко, то мы только къ вечеру пріѣхали, туда. Увидя насъ, татары попрятались по избамъ; на наши вопросы, гдѣ скрываются разбойники, и на требованіе выдать ихъ, они отвѣчали уклончиво, отго-

варивались незнаніемъ и т. п. Очевидно было, что словами отъ нихъ ничего не добьемся. Не возвращаться же намъ съ пустыми руками. Казаки пустили въ ходъ нагайки, дали залпъ нѣсколькими холостыми зарядами и стали грозить полнѣйшимъ разореніемъ деревни, если не будутъ выданы преступники. Татары видятъ, что казаки шутить не намѣрены и дѣйствительно, не тратятъ словъ по пустому—въ страшномъ испугѣ исполнили наше требованіе и выдали разбойниковъ. Только на другой день мы торжественно возвратились въ деревню и привезли на татарской арбѣ подъ надежнымъ конвоемъ двухъ связанныхъ, такъ недавно бывшихъ у насъ негодяевъ. Эсаулъ незадумался, выбрать для нихъ наказаніе—онъ приказалъ ихъ разложить и избить нагайками до полусмерти, а за тѣмъ, уже на третій день, когда они пришли въ себя, онъ отправилъ ихъ въ Симферопольскій тюремный замокъ. Избавившись отъ двухъ разбойниковъ, мы въ тотъ же день распрощались съ казаками. Несмотря на нашу просьбу прожить у насъ еще нѣсколько дней, казаки отправились дальше усмирять татаръ, ссылаясь на то, что уѣздъ большой, шаекъ много, а ихъ, казаковъ, главнокомандующій назначилъ только два отряда, по сотнѣ въ каждомъ; уѣзжая они дали слово навѣщать насъ, и мы должны были довольствоваться только этимъ.

Сильное впечатлѣніе на мирныхъ сельчанъ—татаръ нашей деревни, произвели казаки; бѣдные такъ испугались, что въ продолженіи всѣхъ трехъ дней, въ которые жили у насъ казаки, ни одинъ изъ нихъ не выходилъ изъ своей избы.

Казаки ушли. Жутко намъ стало. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы чувствовать себя иначе на нашемъ мѣстѣ, живя бокъ о бокъ съ татарами послѣ того,

какъ мы вырвали изъ ихъ среды двухъ человѣкъ. Развѣ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ мы не могли въ смутную пору вызвать у нихъ противъ себя негодованіе, развѣ нельзя было предположить, что они рѣшили намъ отомстить за своихъ? Мы стали бояться даже мирныхъ татаръ. По нашимъ расчетамъ намъ нельзя было безъ серьезнаго опасенія оставаться дальше въ своей экономіи съ хозяйствомъ, и потому намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ въ тотъ же день, немедленно, забравъ весь скотъ и цѣнное имущество, переѣхать въ сосѣднюю деревню Джабагу, къ нашему родственнику Степану Марковичу Стулли. Рѣшено—сдѣлано.

Степанъ Марковичъ былъ очень радъ нашему пріѣзду или, вѣрнѣе сказать, переѣзду, такъ что, къ общему нашему удовольствію, мы зажили немного покойнѣй. Наше новое убѣжище было гораздо болѣе населено, да къ тому же населеніе состояло главнымъ образомъ изъ русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Для охраненія себя отъ набѣга татаръ, на каждую ночь мы назначили нѣсколькихъ дежурныхъ вокругъ деревни, а скотъ выгоняли на пастбище только днемъ и далеко отъ деревни, чтобы татаре не угнали его. Такъ мы прожили довольно покойно болѣе недѣли. Насъ не тревожили, хотя по прежнему носились слухи, что татары не унимаются.

Тяжело было намъ жить въ то время. На всѣхъ замѣтно отражалась война. Общее подавленное состояніе, уныніе царило вокругъ. У всѣхъ явилась апатія къ дѣлу, каждый жилъ, не зная что будетъ завтра, сознавая какъ тяжела жизнь бѣдныхъ Севастопольцевъ. Это послѣднее ежеминутно давало себѣ знать. Грохотъ и гулъ пушекъ Севастопольской канонады доносились къ намъ и въ яркихъ краскахъ рисовали всѣ

ужасы войны. Даже теперь мнѣ становится жутко, когда подумаешь о пережитомъ. Въ это время разнесся слухъ, что турецкія власти назначили день для казни нашихъ евпаторійцевъ, о которыхъ мы уже говорили. Этотъ слухъ окончательно убилъ насъ, такъ какъ одинъ изъ арестованныхъ, Романъ Антоновичъ Лихошерстовъ, былъ нашимъ близкимъ другомъ и родственникомъ—онъ былъ женатъ на моей сестрѣ, которая въ то время жила вмѣстѣ съ нами у Стулли. Трудно описать, какъ несчастная женщина поддалась горю. Часто на рукахъ съ грудным ребенкомъ она удалялась далеко за деревню и тамъ, истощивъ всѣ слезы, не знала какъ заглушить свою боль въ душѣ по мужѣ. Бѣдной ей и днемъ и ночью рисовался образъ мужа среди варваровъ турокъ; она представляла его холодный обезображенный трупъ и т. п. Мы утѣшали ее, говорили, что слухи ложны; не можетъ быть того, чтобы союзныя передовыя державы Европейцевъ допустили такое звѣрство, позволили убить людей, которые, кромѣ исполненія своего долга, ничего не сдѣлали. Сестра немного успокоится, забудетъ, но потомъ опять начнетъ по прежнему грустить, терзаться и рыдать, какъ надъ покойникомъ.

Въ это самое время когда сестра моя такъ горячо оплакивала своего плѣннаго мужа, онъ находился дѣйствительно на краю гибели, но спустя нѣкоторое время, когда въ административномъ управленіи Евпаторіи произошла перемѣна, положеніе Романа Антоновича Лихошерстова совершенно измѣнилось. Произошло это вотъ почему. На мѣсто Топалъ Умеръ-Паши, Комендантомъ города назначили одного Французскаго адмирала, при которомъ адъютантомъ и переводчикомъ состоялъ полякъ Токарскій. Этотъ Токарскій вскорѣ женился на дочери Евпаторійскаго Судьи Уѣзднаго Суда Маріи Ивановнѣ Вишневецкой. Вишневецкая же была знакома съ Лихошерстовымъ и, узнавъ о его несчастномъ положеніи, просила мужа помочь, насколько онъ можетъ, ея знакомому плѣннику. Вообще Вишневецкая заботилась въ то время объ участи евпаторійцевъ, и многіе ей не разъ говорили спасибо. Не знаю, благодаря ли Вишневецкой или другой какой причинѣ, мнѣ не вѣдомой, но плѣннымъ скоро объявили о помилованіи и въ замѣнъ повѣшенія, отправили ихъ всѣхъ немедленно въ Лондонъ, гдѣ они проживали на вольныхъ квартирахъ и получали большое содержаніе, на столько большое, что Лихошерстовъ часто не стѣсняя себя, высылалъ деньги своей женѣ. Всѣ они, Евпаторійскіе плѣнники, вернулись въ Евпаторію по заключеніи мира въ 1856 году живы и здоровы.

Вернемся къ деревнѣ Джабага. Я сказалъ, что больше недѣли въ ней мы прожили сравнительно покойно; никто изъ татаръ насъ не тревожилъ, но вдругъ однажды часовъ въ 12 дня въѣзжаютъ къ намъ во дворъ душъ 20 верховыхъ здоровеннѣйшихъ татаръ, въ чалмахъ, съ вилами и косами; лица у нихъ звѣрскія. Съ крикомъ и шумомъ вызываютъ они помѣщика и требуютъ выдачи всего рогатаго скота, а въ случаѣ отказа грозятъ общимъ разореніемъ, поджогомъ и смертью. Положеніе помѣщика было ужасное, да и наше не лучше, такъ какъ нашъ скотъ находился тутъ же. Опять я выступилъ къ нимъ съ рѣчью, но они и слушать не хотѣли. Дали они намъ на размышленіе полчаса, а сами разбили помѣщичій кабакъ и начали пить водку. Мы тѣмъ временемъ обратились за помощью къ крестьянамъ, прося ихъ вооружиться и выгнать буйныхъ татаръ, которые кстати, были уже пьяны. Но коварные крестьяне не откликнулись на зовъ помѣщика. Татары предупредили ихъ раньше,

чтобы они не вступались за господъ своихъ и въ такомъ только случаѣ позволили имъ расчитывать на неприкосновенность своего имущества. Крестьянамъ больше не надо было, и все время они оставались равнодушными зрителями событій. Что оставалось намъ дѣлать послѣ этого? Скрѣпя сердце я сталъ упрашивать и умолять татаръ, чтобы они не брали скота; вмѣсто него я предлагалъ имъ деньгами 150 рублей. Одинъ изъ нихъ, повидимому, готовъ былъ согласиться на компромиссъ, но другіе неотступно продолжали требовать скота и лѣзли въ драку. Наконецъ мы оставили ихъ во дворѣ, заперлись въ домѣ и рѣшили не выходить. Наши предположенія относительно того, что пьяные татары, можетъ быть, безъ насъ постоятъ, постоятъ и ни съ чѣмъ уйдутъ къ другимъ помѣщикамъ, не оправдались. Разбойники стали ломать двери. Положеніе наше становилось очень серьезнымъ. Безъ сомнѣнія, татаръ можно было бы задобрить деньгами, но съ другой стороны, кто могъ поручиться, что это послѣдняя шайка, что на слѣдующій день не пріѣдутъ другіе съ такими же требованіями? Это обстоятельство больше всего затрудняло Степана Марковича Стулли. Онъ предпочиталъ лучше лишиться всего скота, чѣмъ откупаться деньгами, такъ какъ потомъ, очень можетъ быть, пришлось бы отдать и скотъ, а въ концѣ-концовъ остаться безъ денегъ и безъ скота. Я стоялъ за откупъ. Надо было обладать большимъ хладнокровіемъ, сдержанностью и настойчивостью, чтобы одолѣть разногласіе буйныхъ татаръ. Не хвастаясь скажу, что послѣ большихъ усилій я достигъ этой цѣли. Послѣ долгаго спора, крика и шума, татары согласились взять вмѣсто скота 150 рублей со Стулли и 50 рублей съ меня. Нечего было дѣлать, пришлось отдать деньги и только такимъ образомъ

спасти скотъ. Послѣ расчета, грабители оставили нашу деревню и направились къ другимъ.

Тѣхъ изъ помѣщиковъ, кто не давалъ имъ, такъ называемой, контрибуціи, они подъ конвоемъ отправляли въ Евпаторію къ Коменданту Топалъ-Умеръ-пашѣ, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что эти помѣщики не имѣютъ отъ Коменданта свидѣтельства на проживаніе въ уѣздѣ. Я припоминаю, кто изъ такихъ помѣщиковъ подвергался насилію—дворяне: Андрей Весницій, Константинъ Николаевичъ Яницъ оглу, Михаилъ Ставровичъ Маркаковъ, Алексѣй Никифоровичъ Бендебери, Рѣшетиловъ и др. Комендантъ города, въ такомъ случаѣ, обыкновенно, не задерживалъ никого, но такъ было не всегда, бывали исключенія, какъ напримѣръ, случилось съ арендаторомъ деревни Кудайгулъ Михаиломъ Елизаревичемъ Муратовымъ. Муратовъ пріѣхалъ къ Коменданту верхомъ на своемъ чудномъ арабскомъ конѣ. Коменданту очень понравился этотъ конь; съ большимъ вниманіемъ онъ сталъ осматривать его, восторгался и разспрашивалъ хозяина, сколько лѣтъ коню, какой онъ крови и т. п. По всему видно было, что паша вызывалъ Муратова на подарокъ, но Муратовъ дѣлалъ видъ, что не понимаетъ намековъ. Тогда Топалъ-Умеръ-паша безъ обиняковъ просилъ подарить ему коня: Муратовъ на отрѣзъ отказался, за что и поплатился арестомъ. Не извѣстно, сколько времени Муратовъ сидѣлъ-бы подъ арестомъ, если бы на мѣсто Умеръ-паши не назначили Французскаго адмирала. Этотъ новый комендантъ немедленно освободилъ многихъ арестованныхъ, въ томъ числѣ и Муратова.

Къ числу помѣщиковъ, которые не поддавались угрозамъ шайки, принадлежалъ, между прочимъ, гвардіи-капитанъ Як. Михайловичъ Стойковичъ; когда къ нему

пріѣхала шайка съ извѣстными уже намъ требованіями, онъ не только отказался исполнить требованія ихъ, но даже предупредилъ угрозами татаръ и объявилъ, что будетъ стрѣлять, если они не оставятъ сей-часъ же его въ покоѣ. Здѣсь сказался военный духъ капитана и не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ Якова Михайловича татары разсыпались кто куда могъ, но не далеко, а тутъ же, и уже готовились поджечь экономическія постройки и домъ, гдѣ жилъ Яковъ Михайловичъ. Татары, навѣрно, не задумались бы именно такъ отомстить Стойковичу, но къ счастію, въ это время среди нихъ появился преданный слуга помѣщика, экономическій прикащикъ Кая-Бай. Вотъ благодаря то этому Кая-Баю, уже готовые подпалы были разбросаны, и экономія осталась цѣла. Однако шайка все же не оставила въ покоѣ Стойковича—она потребовала во что бы то ни стало, чтобы онъ поѣхалъ въ Евпаторію опять къ тому же коменданту Топалу. Ради Кая-Бая грабители сдѣлали ему уступку, или дали своего рода льготу, по которой его сопровождалъ не конвой, а одинъ Кая-Бай. Поѣхалъ Стойковичъ въ Евпаторію и до заключенія мира просидѣлъ тамъ въ плѣну.

Насколько я помню, съ оставленіемъ комендантскаго поста Топаломъ-Умеръ-пашей, шайки перестали безпокоить русскихъ помѣщиковъ непріятнымъ путешествіемъ въ городъ. Какъ видно, этому не сочувствовалъ Французскій адмиралъ; что же касается уѣзда, то тамъ и при немъ шайки не унимались.

Мы продолжали жить въ деревнѣ Джабага. Послѣ того, какъ мы откупились отъ татаръ-грабителей, и шайка оставила нашу деревню, С. М. Стулли, чтобы не навлечь неудовольствія со стороны своихъ крестьянъ, которые такъ коварно поступили съ нимъ во

время набѣга шайки, до поры до времени рѣшилъ благоразумно молчать и по отношенію къ нимъ не выражать своего гнѣва. Проживъ послѣ этого еще съ недѣлю въ постоянной тревогѣ, мы наконецъ увидѣли давно желанныхъ казаковъ, однако наслаждаться покоемъ подъ ихъ надежной охраной намъ пришлось не долго,—они только переночевали у насъ, а на слѣдующій день уѣхали въ сосѣднюю деревню. Много они наговорили намъ про нашу же уѣздную жизнь и своими разсказами напугали еще больше трусливыхъ. Прибавляли они, правда, ради краснаго словца, не мало, но надо сознаться, что много было горькой правды въ ихъ самодовольныхъ разсказахъ, Они разсказали намъ, между прочимъ, подробно о своей серьезной стычкѣ съ татарами при деревнѣ Тешій, гдѣ имъ пришлось имѣть дѣло съ большою шайкою татаръ, вооруженныхъ вилами и косами. Тамъ въ свалкѣ одинъ казакъ чуть ли не остался убитымъ, а есаулъ былъ раненъ въ голову. Казаки не остались въ долгу—въ концѣ концовъ они переловили всѣхъ виновниковъ возстанія, избили ихъ нагайками до полусмерти и даже сожгли часть деревни. Мы слушали казаковъ, но и казакамъ было о чемъ послушать насъ. Имъ очень не понравился поступокъ нашихъ крестьянъ во время набѣга татаръ, и они рады были учинить расправу съ тремя изъ нихъ, по случаю, который имъ представился въ ту же ночь.

Это произошло такъ. По заведенному обычаю у казаковъ, если имъ приходилось ночевать въ какой-нибудь деревнѣ, они выставляли отъ себя на ея окраинахъ сторожевую цѣпь для предупрежденія на случай могущихъ случиться внезапныхъ нападеній. Расположившись у насъ они сдѣлали тоже самое. Въ эту самую ночь 3 крестьянина С. М. Стулли задумали совершить ночной

набѣгъ на баштанъ—наворовать арбузовъ. Захвативъ съ собой мѣшки, они тайкомъ вышли изъ деревни часовъ въ 11 ночи. Затѣмъ, придя благополучно на баштанъ, наѣвшись тамъ до сыта арбузовъ и дынь, они набрали ими полные мѣшки и поплелись обратно. Тяжесть у нихъ была не малая, а до деревни приходилось тащиться еще версты двѣ съ половиною. Видятъ они, пасутся спутанные кони. Не долго думая, крестьяне наши распутываютъ ихъ, накладываютъ на нихъ мѣшки, садятся сами и торжественно ѣдутъ въ деревню. Но вотъ казацкая цѣпь: „Кто ѣдетъ"?—отвѣта нѣтъ. „Кто ѣдетъ"?!—опрашиваетъ казакъ второй разъ. Вмѣсто отвѣта, „что ѣдутъ свои",—испуганные воры пустились отъ казака въ степь карьеромъ. Казакъ подалъ свистокъ, поднялась тревога, затѣмъ, погоня и въ результатѣ что же? Воровъ поймали, верстъ за 10 отъ деревни, и привели домой, а утромъ доложили есаулу о томъ, что было, и представили воровъ. Есаулъ попросилъ собрать крестьянъ, и когда всѣ собрались, началъ стыдить ихъ за то, что они не защитили своего помѣщика въ трудную минуту набѣга грабителей-татаръ, а какъ напримѣръ постыднаго отношенія ихъ къ своему помѣщику, указалъ на воровство съ его баштановъ. Въ заключеніе, въ присутствіи всѣхъ, не смотря ни на какія мольбы пойманныхъ крестьянъ, онъ приказалъ здѣсь же изрядно выпороть воровъ, приговаривая: „воровать у барина умѣешь—а защищать его не хочешь"?! Затѣмъ, грозя нагайкой, онъ распустилъ крестьянъ. Слова есаула и нагайка сдѣлали свое; послѣ этого крестьяне стали очень послушны и безпрекословно угождали помѣщику. Казаки уѣхали, и мы опять остались одни, попрежнему боясь татаръ и ожидая ихъ набѣга.

Вспоминая все пережитое въ то время, теперь я

вполнѣ безпристрастно могу сказать, что татары во весь періодъ Крымской войны не заслуживали ни одного справедливаго упрека. Бывши полными хозяевами уѣзда, гдѣ не было ни одного чиновника администраціи и ни одного солдата въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подстрекаемые, какъ мнѣ стало извѣстно отъ самихъ татаръ, фанатическими проповѣдями турецкихъ муллъ, они однако были кротки и умѣрены на столько, на сколько едва ли былъ бы на ихъ мѣстѣ какой нибудь другой народъ. Мало того они, по обыкновенію отбывали безъ малѣйшаго побужденія всѣ земскія повинности и безпрекословно отдавали нашимъ войскамъ сѣно, солому и не спорили, когда отбирали у нихъ послѣднюю овцу или курицу, а это, къ нашему стыду, случалось очень часто. Такимъ образомъ жители уѣзда были беззащитны и ждали войска, послѣ чего зажили сравнительно спокойно.

Для того, чтобы по возможности болѣе выяснить состояніе уѣзда въ эпоху Крымской войны, скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ опустѣли многіе Евпаторійскіе аулы. Я уже говорилъ о томъ, что многіе уѣздные татары цѣлыми партіями переходили на сторону турокъ, для чего они бѣжали въ Евпаторію, а все свое хозяйство, за исключеніемъ особенно цѣнныхъ вещей, бросали на произволъ судьбы. Мнѣ пришлось посѣтить нѣкоторые брошенные аулы. Видъ былъ очень жалкій. Помню я проѣзжалъ черезъ одинъ изъ нихъ. Уныло стояли 20—30 хатъ, нигдѣ не видно было живой души. Тишина мертвая, развѣ дворняжка кое-гдѣ залаетъ или жалобно завоетъ. Въ хатахъ все разбросано, на дворѣ тоже. Словомъ, всюду запечатлѣлась послѣдняя минута передъ уходомъ хозяевъ—все говорило о томъ, что здѣсь не одинъ, не два человѣка, а вся деревня была на ногахъ, всѣ собирались, спѣшили,

суетились и всѣ сразу ушли. Чуланы и ямы были завалены зерновымъ хлѣбомъ. Все это было ни чье, каждый могъ сдѣлаться хозяиномъ. Разумѣется, такъ и было—многіе помѣщики воспользовались этимъ брошеннымъ добромъ. Я зналъ, наконецъ, многихъ бѣдняковъ, которые только этимъ и промышляли. Съ огромными повозками разъѣзжали они по мертвымъ ауламъ и забирали все, что можно было продать. Продавши одно, они пріѣзжали за другимъ и т. п. Зерновой хлѣбъ, овесъ, ячмень и сѣно сбывались ими скоро и съ большой выгодой. Такимъ образомъ у многихъ изъ нихъ къ концу войны составился довольно солидный капиталъ. Но, надо сказать при этомъ, что не много было такихъ людей, которые могли удержать легко нажитое; у большей части изъ нихъ все, что легко далось, такъ же и легко ушло. Поѣдетъ, бывало, кто нибудь изъ нихъ въ Симферополь на рынокъ, продастъ все, а пріѣдетъ домой ни съ чѣмъ. Беззавѣтно кутилъ въ то время народъ—кто для того, чтобы въ винѣ заглушить тяжелыя мысли, кто отъ радости, что получилъ хорошіе барыши и т. п., а въ результатѣ—многіе, кто прежде ничего не имѣлъ, составилъ себѣ состояніе, обирая другихъ; напротивъ, другіе изъ богатыхъ превратились въ нищихъ, какъ кому везла непостоянная фортуна.

Относительно жизненныхъ продуктовъ того времени можно сказать, что на нихъ держалась крайняя дороговизна; въ особенно высокой цѣнѣ были иностранные колоніальные товары. Объясняется это слѣдующими причинами: прежде всего прекращеніемъ сообщеній съ Европейскими рынками—это относительно иностранныхъ товаровъ. Что же касается нашихъ—то цѣна на нихъ подымалась, во-первыхъ—по причинѣ быстраго истощенія запасовъ, а во-вторыхъ—боязни

торговыхъ людей рисковать капиталами; затѣмъ бѣгствомъ татаръ съ табунами къ непріятелю, и наконецъ, тѣмъ, что почти все сельское населеніе занялось перевозкой боевыхъ снарядовъ и тысячи другихъ вещей къ мѣстамъ расположенія войскъ.

Остается еще сказать объ Евпаторійскихъ путяхъ сообщенія. Что же объ нихъ можно сказать? О нихъ можно только съ грустью подумать. Въ настоящее время мы не знаемъ, какъ намъ быть въ дождливую осень, а тогда... тогда въ дождь или послѣ него нельзя было положительно сдѣлать нѣсколькихъ саженъ, чтобы затѣмъ не остановиться и не отбивать грязи отъ неузнаваемыхъ колесъ. Изъ нихъ получались сплошные грязевые круги. Безпрестанно по краямъ дороги торчали сломанныя колеса, валялись разъѣхавшіяся повозки. Погонщики немилосердно били несчастныхъ лошадей; тянулись животныя изъ невылазной грязи, но выбившись изъ силъ, изнемогали и здѣсь же падали. Много по разнымъ дорогамъ валялось падали, вокругъ которой стаями летали грачи и жадно пожирали добычу.

ГЛАВА III.

Въ Крыму, гдѣ всюду смерть витала
На бастіонахъ, средь полей
Россія много потеряла
Храбрѣйшихъ преданныхъ дѣтей.
Кассинскій.

СО ДНЯ занятія Евпаторіи, она находилась во власти союзныхъ войскъ, которыя имѣли тамъ сначала небольшой гарнизонъ. Въ то время нашихъ войскъ подъ Евпаторіей не было совершенно и только, кажется, съ декабря мѣсяца вокругъ нея мало-по-малу стала появляться кавалерія, и началось блокированіе города. Вслѣдъ за отдѣльными кавалерійскими отрядами появилась цѣлая дивизія. Она расположилась вокругъ города, возвела укрѣпленія, выставила артиллерію и стѣснила непріятеля до такой степени, что онъ не могъ не то, чтобы заняться фуражировкой въ уѣздѣ, но даже пасти свой скотъ на глазахъ горожанъ. На этой почвѣ между непріятелемъ и нашими войсками происходили частыя стычки, изъ которыхъ казаки обыкновенно выходили побѣдителями и обогащались цѣлыми стадами непріятельскаго скота. Въ то время у нихъ подъ Евпаторіей можно было пріобрѣсти лошадь копеекъ за 25—30, а овецъ они давали за трубку табаку и даже за доброе слово. Такая дешевизна появилась силою обстоятельствъ—кормъ истощился, а подвозъ его—

вслѣдствіе дурной, ненастной погоды, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, былъ слишкомъ затруднителенъ и дорогъ.

Къ концу января, нашихъ войскъ подъ Евпаторіей становилось все больше и больше, а въ Евпаторіи къ тому же времени союзныхъ войскъ собралось чуть ли не 30 тысячъ. Все дѣлалось не безъ основаній. Въ виду извѣстій о томъ, что непріятель изъ Евпаторіи задумалъ дѣйствовать на наши сообщенія между Севастополемъ и Перекопомъ, подъ Евпаторію былъ посланъ особый, такъ называемый, Евпаторійскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Корфа. Чувствуя небезопасное сосѣдство нашихъ войскъ, непріятель принялся вновь за укрѣпленіе города. Профиль рвовъ была доведена до 2—3 саженей глубины и ширины; къ сѣверу отъ города было возведено передовое укрѣпленіе. Обращено было вниманіе такъ же и на карантинъ, который пріобрѣлъ видъ крѣпости. Въ дополненіе ко всему на рейдѣ постоянно находилось 6 военныхъ пароходовъ. Такимъ образомъ Евпаторія стала грозной непріятельской позиціей. Намъ надо было съ своей стороны обезопасить Севастополь отъ нападенія со стороны Евпаторіи, да и обезсилить врага на случай, если бы онъ задумалъ дѣйствовать на нашу операціонную линію: Севастополь—Перекопъ. Съ этой цѣлью главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ предписалъ генералу барону Корфу овладѣть городомъ Евпаторіей, и Корфъ сталъ готовиться къ атакѣ. Надо сказать, что положеніе Евпаторіи, какъ оборонительной позиціи было весьма недурно, за исключеніемъ развѣ того, что не было пути отступленія. Но съ другой стороны сознаніе, что спасти себя некуда, зачастую, какъ извѣстно, приносить дѣлу гораздо больше пользы,

чѣмъ путь отступленія. Главное достоинство этой оборонительной позиціи заключалось въ томъ, что она давала возможность всѣ приступы къ городу держать подъ сильнымъ огнемъ флота. Цѣлесообразна ли была атака или нѣтъ—объ этомъ мы умолчимъ, но фактъ тотъ, что ее назначили на 5 февраля и держали это въ большомъ секретѣ. Какъ мы ни старались скрыть своего намѣренія, однако турки заблаговременно узнали о немъ отъ одного поляка-дезертира изъ нашего лагеря и на всякій случай усилили городъ артиллеріей, перевезенной съ парохода.

Еще съ вечера 4-го февраля баронъ Корфъ придвинулъ нашу артиллерію на полверсты отъ города, а съ 6 часовъ утра на слѣдующій день началъ артиллерійскую подготовку атаки. Наши пушки безпрестанно гремѣли; непріятель отвѣчалъ жестокой канонадой изъ укрѣпленій окружающихъ городъ. Корфъ наступалъ со стороны Перекопской дороги. Наша артиллерія дѣйствовала очень успѣшно и подъ конецъ заставила непріятеля почти совершенно прекратить огонь. За короткое время у него взорвало 5 зарядныхъ ящиковъ и подбило нѣсколько орудій. Между тѣмъ, не смотря на градъ пуль и ядеръ, картечи и др. снарядовъ, летѣвшихъ изъ города и пароходовъ, наши войска быстро подвигались впередъ. Греческіе волонтеры изъ турецкоподданныхъ и Донскіе казаки шли впереди. Подойдя къ кладбищенской стѣнѣ, они перелѣзли ее и залегли за памятниками не далѣе какъ въ 50 шагахъ отъ городской стѣны. Пользуясь прикрытіемъ, они завязали самую живую перестрѣлку и вели ее около 4-хъ часовъ. Наконецъ, грянуло дружное „ура“! и передовые отряды бросились въ атаку, но... штурмовыя лѣстницы оказались слишкомъ коротки... Былъ данъ отбой, и наши герои отступили.

Мы потеряли въ бою болѣе 700 человѣкъ, а непріятель до 400. Турки, между прочимъ потеряли командующаго Египетскими войсками послѣдняго Мамелюкскаго генерала Селимъ-пашу. Мнѣ разсказывали очевидцы, что во время бомбардированія города, непріятельскими войсками до такой степени овладѣлъ страхъ, что они начали кавалерію и артиллерію отправлять для погрузки на пароходы и только тогда прекратили погрузку, когда нашимъ войскамъ былъ данъ сигналъ къ отступленію.

Послѣ неудавшагося штурма, наши войска продолжали блокировать городъ и тревожить непріятеля. У казаковъ были довольно часто серьезныя стычки, изъ которыхъ они обыкновенно выходили побѣдителями. Непріятель дѣлалъ вылазки. Такъ напримѣръ, у него была вылазка 21 февраля, которая окончилась постыднымъ бѣгствомъ лучшей турецкой кавалеріи. Почти тоже было 2 марта.

Однимъ словомъ, говоря о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Евпаторіей, мы можемъ сказать, что если послѣ штурма города и не повторялись большія, продолжительныя битвы, то тѣмъ не менѣе каждую минуту приходилось ожидать таковыхъ, и обѣимъ сторонамъ держаться въ напряженномъ состояніи.

Въ октябрѣ 1854 года подалъ я докладную записку командующему войсками барону Корфу съ просьбою о содѣйствіи мнѣ въ поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ шайки татаръ, которые разъѣзжая по уѣзду получали съ помѣщиковъ деньги въ свою пользу подъ видомъ контрибуціи для Топалъ-Умеръ-паши, вслѣдствіе чего баронъ Корфъ назначилъ есаула и 25 казаковъ, которымъ было предписано, по указанію моему, изловить шайку грабителей татаръ и доставить ихъ въ деревню Оразъ, гдѣ была квартира барона

Корфа. Тогда я съ братьями Николаемъ и Діонисіемъ совмѣстно съ есауломъ и казаками, разъѣзжая по уѣзду, изловили только трехъ лицъ: въ деревнѣ Тузлы—Алія и Аблеса, а въ деревнѣ Такилъ—Абдурамана хирсызъ „воръ“ и отправили ихъ въ деревню Оразъ, откуда по распоряженію барона Корфа тѣ татары были высланы на жительство въ городъ Курскъ. Остальныхъ же изъ шайки татаръ не могли разыскать, потому что они успѣли переѣхать въ городъ Евпаторію, гдѣ находились непріятельскія войска, и тамъ сдались турецкому правительству.

Въ ноябрѣ 1854 года, русскія войска, преимущественно казаки, отбыли изъ окрестностей города Евпаторіи; бывшія же на подножномъ кормѣ овцы, примѣрно до 25 тысячъ, рогатый скотъ, лошади и верблюды, болѣе 200 головъ, и всѣ эти животныя, по распоряженію командующаго войсками барона Корфа, были отправлены въ Севастополь для продовольствія русскимъ войскамъ, въ сопровожденіи станового пристава Евпаторійскаго уѣзда, есаула и 50 казаковъ. Во время слѣдованія эти животныя дорогой продавались разнымъ лицамъ безпрепятственно, по баснословно дешевой цѣнѣ, а именно овцы по 15 и 20 к., рогатый скотъ и лошади по 1 рублю, а верблюды по 2 рубля. Хотя означенная распродажа и производилась по дешевой цѣнѣ, но желающихъ покупать было очень мало, потому что каждый покупатель подозрѣвалъ, что таковая продажа происходитъ незаконно, что впослѣдствіи и оправдалось: становой приставъ въ скоромъ времени былъ преданъ суду и удаленъ отъ должности.

ГЛАВА IV.

Нравы чиновниковъ.

СЛУЖАЩІЕ гражданскіе чиновники первое время изъ Евпаторіи всѣ разбѣжались въ разные города и мѣста и бездѣйствовали; въ томъ числѣ и я—проживалъ въ наслѣдственномъ имѣніи Майрикъ и только, какъ мнѣ помнится, въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года, губернское правленіе потребовало меня для занятія въ городъ Симферополь, но я, не имѣя никакихъ средствъ, рапортомъ просилъ губернское правленіе выслать мнѣ слѣдуемое жалованье, но губернское правленіе въ просьбѣ моей отказало, а предписало Евпаторійскому земскому суду выслать меня въ Симферополь полицейскими мѣрами, вслѣдствіе чего я вынужденъ былъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, явиться въ губернское правленіе и начать заниматься по службѣ, къ тому же по ночамъ заставляли дежурить; но когда я обратился съ просьбою о выдачѣ мнѣ жалованья, тогда совѣтникъ губернскаго правленія по 1-му отдѣленію, Матвѣй Ильичъ Пантелеймоновъ, объявилъ мнѣ, что я жалованья не могу получить, потому, что на это нѣтъ ассигнованныхъ суммъ, а я могу со временемъ получить изъ городскихъ доходовъ Евпаторіи, по удаленіи непріятельскихъ войскъ. И такъ, неоднократныя мои просьбы не помогли, и я ровно 14 мѣсяцевъ не получалъ слѣдуемаго жалованья. Въ послѣд-

ній разъ, въ отвѣтъ на мою просьбу о выдачѣ жалованья, совѣтникъ Пантелеймоновъ выгналъ меня изъ присутствія губернскаго правленія, причемъ сказалъ: „что я крѣпко надоѣлъ“. Видя такую несправедливость г. совѣтника Пантелеймонова, я вынужденъ былъ лично обратиться съ просьбою къ бывшему въ то время губернатору, къ графу Адлербергу, который выслушавъ такого маленькаго чиновника, какъ я, съ большимъ вниманіемъ, былъ крайне пораженъ, что я не получалъ жалованья 14 мѣсяцевъ. Графъ Адлербергъ успокоилъ меня и сказалъ, что я жалованье немедленно получу, и дѣйствительно на другой же день графъ Адлербергъ, явясь въ присутствіе губернскаго правленія, распорядился выдать мнѣ все жалованье и казначей губернскаго правленія Мошкаловъ Николай Павловичъ, вручивъ мнѣ сполна жалованье, попросилъ лишь въ книгѣ росписаться.

До полученія мною жалованья, въ которомъ по должности столоначальника, мною занимаемой въ то время, я крайне нуждался, и къ тому же не имѣлъ въ Симферополѣ никого изъ знакомыхъ и родныхъ, я не зналъ что дѣлать и какъ быть, а жить нужно было; тогда я обратился въ интендантство, гдѣ чиновники получали большое содержаніе, и просилъ дать мнѣ какое-либо занятіе; въ просьбѣ моей не было отказа и такимъ образомъ, я въ свободное и праздничное время и по ночамъ началъ тамъ заниматься письмоводствомъ, получая приличное вознагражденіе, и только такимъ путемъ я могъ содержать себя.

Не могу умолчать, какъ я былъ пораженъ, лично увидѣвши образъ жизни интендантскихъ чиновниковъ, которые собирались въ кружекъ, начинали кутить и играть въ азартныя игры, такъ что предъ каждымъ субъектомъ на зеленомъ столѣ образовались большія

кучки золота, которыя часто переходили отъ одного субъекта къ другому; при этомъ происходили между ними разные недоразумѣнія и крики, но до драки не доходило. Означенные чиновники очень часто вели подобную разгульную жизнь, которая меня не касалась; а между тѣмъ я былъ очень доволенъ тѣмъ, что хорошо оплачивали мой трудъ, поэтому я могъ прожить ненуждаясь 14 мѣсяцевъ, не получая слѣдуемаго мнѣ жалованья.

Заключеніе.

Закончилась война, ушелъ непріятель. Вначалѣ цѣли Крымской войны для русскихъ были неясны, неопредѣленны, и понятіе „турки бунтуютъ", съ которымъ мы брались за винтовку не воодушевляло да и не могло воодушевить народныя массы; но какъ только Европейская коалиція окончательно образовалась, когда со всѣхъ сторонъ приходилось ожидать вторженія врага; наконецъ, когда мы у себя въ Отечествѣ столкнулись съ врагомъ—положеніе значительно измѣнилось; туманныя не выясненныя цѣли замѣняются другими твердыми,—вполнѣ опредѣленными. Ясно стало всѣмъ, что надо дѣлать,—надо защищать Отечество, отстоять свою землю и изгнать врага. Необходимость обороны стала всѣмъ понятна, и все, что мыслило и могло дѣйствовать въ Россіи, сосредоточилось на этой цѣли. Здѣсь сказался народный русскій духъ. Защитники Крыма показали всѣмъ, что крѣпость и сила русскаго народа, не въ штыкахъ и пушкахъ—а въ немъ самомъ; что укрѣпленія его не бастіоны и форты—а собственная грудь и кровь. Любовь къ родинѣ движетъ русскимъ народомъ и творитъ чудеса.

Однако дальше этого, дальше именно такой обороны, тогдашняя Россія не могла пойдти—она не въ силахъ была обороняться отъ тягостныхъ требованій Европы, зашедшихъ за предѣлы необходимости очевидной и тѣхъ непосредственныхъ цѣлей, которыя

пробудили народный духъ. Многое можетъ сдѣлать русскій народъ, но въ то время, по мѣткому выраженію, не помню кого, онъ могъ только умирать за Россію, но не умѣлъ жить для нея.

Таковъ былъ русскій народъ и подъ Севастополемъ и подъ стѣнами Евпаторіи.

Евпаторію сравнительно съ Севастополемъ мало задѣла война, но всетаки здѣсь были чувствительныя потери.

Мечъ Марса проникъ не только туда, къ чему прикасался; мертвое, подкошенное имъ падало на цѣлое, здоровое, гнуло его, валило и въ концѣ концовъ получалась тяжелая картина разрушенія. Не только дома, стѣны; наконецъ, не только тѣла падали подъ грозными ударами меча—имъ разорялись жизни даже тѣхъ, кто стоялъ далеко отъ него; удары его жестоко отражались также на хозяевахъ и хозяйствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы послѣ войны? Какъ сказалась она на Евпаторіи? Во-первыхъ, населеніе уѣзда и города значительно уменьшилось и потому, что русскіе бѣжали. А бѣжали русскіе по слѣдующей причинѣ. Когда въ уѣздѣ наступило смутное время войны, и жители почти поняли безвыходное свое положеніе, когда у каждаго изъ нихъ или войска или грабители забирали послѣднее имущество, и если не забирали, то можно было ожидать съ минуты на минуту, что явятся и заберутъ, когда каждый, живя здѣсь не могъ надѣяться на свои силы и обезпеченность отъ честнаго труда—тогда началось переселеніе. Уходили малодушные, уходили трусливые, уходили негодяи, каждый по своимъ основаніямъ. Одни уходили, боясь что уѣздъ останется безъ посѣвовъ хлѣбнаго зерна и наступитъ голодъ; другіе уходили, страшась эпидеміи. Надо сказать что въ то время въ Симферополѣ от-

крылся убійственный тифъ, который поглащалъ ежедневно десятками жертвъ. Уходили мы говоримъ, но вопросъ, съ чѣмъ уходили? Всѣ эти люди спѣшили ни за что продавать свое имущество, а если не продавали, то оставляли и уѣзжали. Хорошо ли дѣлали они, дурно ли, рѣшить намъ трудно, но фактъ тотъ, что они разорялись; съ каждымъ днемъ таяли ихъ средства.

А тѣ, которые остались?— многаго они не досчитались послѣ. О правильномъ веденіи хозяйства, въ уѣздѣ забыли думать. Все и всѣ перебивались, какъ ворятъ, съ мѣсяца на мѣсяцъ. По окончаніи войны многимъ хозяевамъ пришлось начинать почти все сызнова, обзаводиться скотомъ, сѣномъ, зерномъ и проч. Правда, война была на руку тѣмъ, кто могъ ловить рыбу въ мутной водѣ—это только усиливаетъ темный фонъ общихъ тяжелыхъ послѣдствій.

Городъ остался почти полуразрушеннымъ и благодаря тому, что въ немъ значительно уменьшилось число жителей, онъ долгое время не могъ подняться на прежнюю высоту. Не такъ давно еще на ряду съ главной улицей стояли пустыри, развалины.

Итакъ, вмѣстѣ съ войной, въ Евпаторіи капиталы уменьшились, жители обѣднѣли, городъ разорился. Въ уѣздѣ происходило тоже самое.

Проходитъ время, сглаживаются воспоминанія, обновляется жизнь. Для всѣхъ, говорятъ, время лучшій утѣшитель, и Евпаторія надо думать, въ этомъ отношеніи не съѣла у Бога теленка. Забылось злѣсь прошлое скоро, какъ только некому стало помнить его изъ очевидцевъ и пострадавшихъ.

Теперь, развѣ только памятникъ, что стоитъ за городомъ, привлечетъ мимолетное вниманіе деревенскаго путника. Еще не разъ опять таки за городомъ помянетъ непріятеля лихомъ извозчикъ, объѣзжая остатки турецкой батареи. Вотъ каковы теперь въ Евпаторіи всѣ впечатлѣнія войны.

Нельзя же однако думать, что къ Евпаторійскимъ памятникамъ Крымской войны отнесутся такъ всѣ, какъ относятся къ нимъ наши извозчики. Я думаю и увѣренъ въ томъ, что эти памятники дадутъ пищу многимъ и еще многимъ, кто интересуется прошлымъ не только города, но даже и Отечества.

Первое, что бросается въ глаза любознательному— это памятники войны подъ Евпаторіей, памятники не искусственные, а остатки тѣхъ сооруженій, которыя возвелъ непріятель вокругъ города. Они почти всѣ остались цѣлыми. На нихъ и по нимъ можно судить о многомъ. Въ особенности хорошо сохранилось выдающееся впереди города укрѣпленіе по дорогѣ въ деревню Богай. Это укрѣпленіе имѣетъ видъ неправильнаго бастіона.

Кромѣ укрѣпленій, разбросанныхъ непосредственно на окраинахъ города, сохранилось нѣсколько передовыхъ редутовъ, которые воздвигъ непріятель, сравнительно далеко отъ города, уже послѣ 5-го февраля, т. е. послѣ атаки города.

На восточной сторонѣ города, по дорогѣ на Перекопъ находится кладбище, черезъ которое шли на штурмъ наши войска. На этомъ кладбищѣ есть могила французскихъ солдатъ, похороненныхъ здѣсь послѣ штурма. На могилѣ лежитъ плита.

Къ числу искусственныхъ сооруженій въ память войны принадлежитъ памятникъ. Онъ находится за городомъ, по дорогѣ въ деревню Богай и предста-

IV 11368

вляетъ собою четырехгранную колонну изъ мрамора; на верху поставленъ желѣзный крестъ. На сторонахъ памятника высѣчены надписи на русскомъ и караимскомъ языкахъ: „Въ память потомству сооруженъ, усердіемъ Евпаторійскаго караимскаго общества въ 1858 году“. На противоположныхъ сторонахъ этихъ надписей—„храбрымъ защитникамъ вѣры, Царя и Отечества, павшихъ здѣсь 5 февраля 1855 года“. Памятникъ окруженъ желѣзной рѣшеткой.

Въ 28 верстахъ южнѣе Евпаторіи находится мѣсто, гдѣ произошла высадка союзниковъ въ Крыму.